

Христианские мотивы и образы ранней поэзии С. Есенина

© О.А. ФИЛАТОВА

Для ранней лирики Есенина характерно освящение природы как божданной, а также литургичность природы, то есть представление о том, что Бог растворен, разлит в природе. Через природу раскрывается связь души поэта с божественным бытием.

Ключевые слова: мотив молитвы, литургичность, странничество, природа как храм.

Сергей Есенин на протяжении всей своей жизни и всего творческого пути «всецело был поглощен безраздельной любовью к гармонии божественного бытия и России – как к его воплощению» (1. С. 17). Поэзия Есенина предстает как выражение земного и небесного мира, который в ранней лирике поэта, в первой книге стихов «Радуница» (1915), включающей стихотворения 1910–1915 годов, раскрывается как поэтическая Святая Русь. Говоря об устремленности молодого поэта к «небесному, вечному», исследователи так характеризовали «Радуницу»: «“Славословья природы”, поэзия быта, искорки молодой любви и молитвы Богу – вот спектр этой едва распускающейся поэзии» [Там же. С. 19].

Для ранней лирики Есенина характерно представление о том, что Бог растворен, разлит в природе. В его стихах копны и стога похожи на церкви, «ивы – кроткие монашки» («Край любимый! Сердцу снятся...»),

«хаты – в ризах образа» («Гой ты, Русь, моя родная...»), в лапах елей видятся ангельские крылья. Свет звезд – это «звездные псалмы», которые льются с небес. Река поет про «рай и весну», ели пахнут ладаном, в лесу звучит «молебен птичьих голосов», березовые стволы похожи на свечки, ягоды рябины – словно кровавые раны на теле Христа. Ветер соотносится с образами, связанными с богослужением: «Запах ладана от рощи ели льют, / Звонки ветры панихидную поют» («Зашумели над затоном тростники...»). 1914).

В другом стихотворении этого же года «Троицыно утро, утренний канон...» звучит «благовест ветра».

Природа в этих стихах Есенина – огромный храм, в котором идет служба. И сам герой – участник этого богослужения: «Я молюсь на алы зори, / Причащаюсь у ручья» («Я пастух, мои палаты...»). В стихотворении «Пасхальный благовест» (1914) со звуками колокола, созывающего крестьян на заутреню, рождается в душе поэта ощущение красоты пробуждающейся природы: «Колокол дремавший / Разбудил поля, / Улыбнулась солнцу / Сонная земля».

Основной мотив лирики 1914 года – благодать. Благоговеющее поклонение природе особенно заметно в стихотворении «Чую радуницу Божью...» (1914):

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью
Припадаю на траву.
Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

В природе, по Есенину, все имеет живую душу, способную радоваться и страдать, веселиться и печалиться. Его излюбленным художественным приемом становится олицетворение: «У лесного аналая / Воробей псалтырь читает» («Сохнет стаявшая глина...»), «черная глухарка / К всеобщей зовет» («Дымом полове...»).

Религиозное настроение поэта, которым глубоко проникнута его лирика, своеобразно. «Молитвы Богу» в поэзии Есенина звучат не в своей самоцельности, а лишь в неизменной сопряженности с образами родного поэта края. «Чаще всего это вздох лирического героя, как бы мгновенно потрясенного окружающей красотой – как божественной благодатью» (1. С. 20): «Опять я теплой грустью болен / Овсяного ветерка / И на известку колоколен / Невольно крестится рука».

В первых книгах Есенина «Радуница» и «Голубень» через природу раскрывается связь души поэта с божественным бытием. Мир природы

и православного храма взаимопроницаемы. Например: «Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон». Или: «Под окном от скольких ветел / Перепелъи звоны ветра, / Тихий сумрак, *ангел* теплый, / Напоен нездешним светом» («Даль подернулась туманом...»). 1916).

Ангел теплый сравнивается с явлением природы, *тихим сумраком*.

Стихотворение заканчивается строками: «Друг, товарищ и ровесник, / Помолись коровьим вздохам». В другом стихотворении эти дорожные поэту образы также следуют один за другим, снова возникает мотив молитвы: «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе, / Кто-то помолился: “Господи Иисусе”».

Герой стихотворения ощущает в себе духовную силу под влиянием храмовой службы природы: «Закадили дымом под рососою рощи... / В сердце почивают тишина и мощи» («Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...»). 1912). Или: «Снова выплыл из рощи / Синим лебедем мрак. / Чудотворные мощи / Он принес на крылах» («Покраснела рябина...»). 1916).

Лирический герой молится «дымящейся земле», «в синеву», «на алы зори». Природа пронизана молитвой: «родные степи» звенят «молитвословным ковылем».

В. Ходасевич искал в таких стихах поэта глубинные дохристианские корни: «Выйдет, что миссия крестьянина божественна, ибо крестьянин как бы сопричастен творчеству Божью. Бог-Отец. Земля-Мать. Сын-урожай. Истоки есенинского культа, как видим, древние. От этих истоков до христианства еще ряд этапов. Пройдены ли они у Есенина? Вряд ли. Начинаящий Есенин – полуязычник. Это отнюдь не мешает его вере быть одетою в традиционные образы христианского мира» [2].

Но подобные элементы «пантеизма», «языческого обожествления» земли не нарушают целостности плана Божественного бытия в поэтическом мире Есенина, который проявляется на всех уровнях: Бога, человека и природы. И представляется неверным интерпретировать поэта как «полуязычника». В.В. Лепяхин так говорит об этом: «Космос в ранней лирике Есенина весь пронизан Литургией: от небес до земли, от звезд до травы, все на свой лад, в разных формах непрерывно служит Творцу» [3].

Для «Радуницы», как и для ранней лирики Есенина в целом, характерно освящение русской природы как богоданной, соседствующей со странничеством. И природный мир в стихах поэта оказывается уже освящен Богом, и это странничество «сходно с паломничеством по святым местам» [4]. Преобладающим мотивом является мотив приятия этого мира, но мотивы улучшения, преображения, изменения действительности, напротив, отсутствуют.

В ранней лирике Есенина мотив странничества соседствует с мотивом молитвы. Но ситуация моления, когда молится сам лирический герой, довольно редка. Например, молитва присутствует в стихотворении «Я странник убогий...» (1915), лирический герой которого говорит: «Молюсь в синеву». Здесь заметна и соборность всей твари: «С вечерней звездой / Пою я о Боге / Касаткой степной»; «Поют быстровины / Про рай и весну».

Пение как молитва встречается и в стихотворении 1916 года «Без шапки, с лыковой котомкой...»: «Пою я стих о светлом рае, / Довольный мыслью, что живу».

И вновь возникает мотив странничества, и присутствуют отсылки к богослужению: «Без шапки, с лыковой котомкой, / Стирая пот свой, как елей, / Бреду дубравною сторонкой / Под тихий шелест тополей».

И звучит всеобщая молитва природы: «И по кустам межи соседней, / Под возгласенья гулких сов, / Внимаю, словно за обедней, / Молебну птичьих голосов».

Молятся и люди, и животные, и птицы, и природа. Тепло и проникновенно звучит стихотворение, описывающее молитву матери о сыне, «павшем герое»: «На краю деревни старая избушка, / Там перед иконой молится старушка». Ко всеобщей молитве призывает Богородица в стихотворении «Иисус Младенец»:

Собрала пречистая
Журавлей с синицами
В храме.
«Пойте, веселитесь
И за всех молитесь
С нами!»

В ранних стихах Есенина воплощена мечта о некоем идеальном мире, которая, несомненно, связана с христианским идеалом незримого Божьего Града, небесного Иерусалима, с православным идеалом Святой Руси, а также с мотивом странничества. Начало темы иного, незримого, края присутствует в первом стихотворении «Радуницы» – в маленькой поэме «Микола» (1914): «Я, жилец страны нездешной, прохожу к монастырям». В следующих стихотворениях такой причастностью к нездешнему миру Есенин наделяет своего лирического героя: «Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее покинуть», «С улыбкою радостного счастья / Иду в другие берега». Незримую родину он называет «иная земля», «нездешний перелесок», «неведомая земля», «край холмов, / Где есть рожденье в посеве слов», а в отношении себя Есенин использует такие эпитеты, как «светлый инок», «захожий богомолец», «ласковый послушник», «отрок светлый».

Образ «иной земли» у раннего Есенина рисуется как желанный удел, как «страна нездешняя», «райский сад», куда стремится лирический герой. Потом этот образ будет меняться (ср.: «Мы теперь уходим понемногу...». 1924), характеризоваться как «страна, где тишь и благодать», но «не цветут там роши, / Не звенит лебяжьей шей рожь». Лирический герой более поздних стихотворений уже не тянется к небу, он принимает бранный мир, и земля для него – источник благодати.

Но и земная Россия в ранней лирике Есенина оказывается пронизана небесной благодатью. И.А. Есаулов, говоря о «Радунице», подчеркивает пасхальную доминанту сборника, о которой свидетельствуют поклонение сущему и устремление к «нездешнему», «ощущение благодати Божией, разлитой в мире, которое сочетается с поминальной грустью» [4. С. 355], а грусть – с мотивом странствия.

В поэме «Микола» главный герой проходит свой путь, исполняя напутствие Господа обойти русскую землю, защитить православный народ, а также наказ о молитве Чудотворца с народом. «Пасхальная доминанта» выражена в понимании жизни как странствия и смерти как упокоения у Престола Господня.

Перечисленные мотивы движения, странствия, образ «незримого мира», литургичность, связанные с образами Спасителя и Богоматери, а также «память» пасхального архетипа реализуются во многих есенинских стихотворениях: «Не ветры осыпают пуши...», «Шел Господь пытать людей в любви...».

В стихотворении «Не ветры осыпают пуши...» (1914) предстает мотив повторного распятия Христа. Богородица напутствует Сына: «Она несет для мира снова / Распятъ воскресшего Христа: / “Ходи, мой сын, живи без крова, / Зорюй и полднюй у куста”».

Всех героев стихотворения объединяет мотив движения: «идет возлюбленная Мати», и Сына просит: «Ходи...». Лирический герой говорит: «И в каждом страннике убогом / Я визнавать пойду с тоской...». Боязнь не узнать Христа раскрывается с особенной любовью и состраданием к другим. «Речь идет об особой остроте переживания соборного мистического единения Спасителя и спасенных, Христа и христиан, когда неузнавание Христа в ближнем аналогично Его повторному распятию» [4. С. 374].

В некоторых стихах Есенина христианская символика представляет не просто поэтическую образность, но выражает подлинное религиозное переживание лирического героя. Таково стихотворение «За горами, за желтыми долами...» (1916) с образами монастыря и бедной странницы, которая каждый вечер идет поклониться любви и кресту: «Кроток дух монастырского жителя, / Жадно слушаешь ты ектенью, / Помолись перед ликом Спасителя / За погибшую душу мою». Лирический герой

считает себя грешным для молитвы, просит праведников о молитве за его грехи, за «погибшую» от грехов душу.

Подлинное религиозное переживание, ощущение иного мира, к которому хочет приобщиться лирический герой, проявляется в стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914), которое кончается словами: «Все встречаю, все приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее покинуть».

Здесь и христианское смирение, готовность принести себя в жертву, и умиротворение, и ощущение того, что земная жизнь человека временна, и желание приобщиться к иному миру.

В «Каликах» странники, поющие стих о сладчайшем Иисусе, вызывают насмешки пастушков, называющих их скоморохами. В стихотворении «По дороге идут богомолки...» усматривали иронию, озорство. Это мнение основывалось на сближении Есениным возвышенного и низкого:

На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко Мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.

В стихотворении «Пойду в скуфье смиренным иноком...» также ощущается некоторая двойственность: в душе героя словно сосуществуют две ипостаси. Общая тональность стихотворения – христианская. В центре – образ смиренного инока, который находит счастье в странничестве, хочет измерить концы земли. Но одна строка этого стихотворения нарушает общую христианскую тональность и вносит диссонирующую ноту: «Пойду в скуфье смиренным иноком / Иль белобрысым босяком». Но речь все же идет о странничестве, о молитве:

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.
Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

В ранней лирике Есенина христианская символика служит не только для создания эффектных образов, но и для выражения истинного религиозного переживания.

Литература

1. Михайлов А.И. Есенин С. «Шел Господь пытатъ людей в любви...». СПб., 1995.
2. Ходасевич В. Есенин // Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. В 2 т. / Сост. Н.И. Шубникова-Гусева. М., 1993. Т. 1. С. 47.
3. Лепехин В.В. Икона в русской художественной литературе. М., 2002. С. 627.
4. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004.

Королев

